

другую, – если только не делать этого из расчета, как иногда поступают евреи в России и Польше, которые крестятся по три, четыре раза, чтобы каждый раз получить новую плату, – чтобы переменить религию, нужно иметь крупицу религиозной веры. А в исключительно позитивном сердце французского буржуа совершенно нет места этой крупице. Он исповедует самое глубокое равнодушие ко всем вопросам, исключая прежде всего вопрос о своем кошельке и затем вопрос о своем социальном тщеславии. Он одинаково равнодушен как к протестантству, так и к католицизму. С другой стороны, французская буржуазия не могла бы принять протестантство без того, чтобы не встать в противоречие с обычной приверженностью к католицизму большинства французского народа, что явилось бы большой неосторожностью со стороны класса, который хотел править во Франции.

Оставалось, правда, одно средство – это вернуться к гуманитарной и революционной религии восемнадцатого века. Но эта религия ведет слишком далеко. Буржуазия вынуждена была, следовательно, создать для санкционирования нового буржуазного государства, которое она только что основала, новую религию, которая могла бы без слишком большого скандала и без комизма быть открыто исповедуема всем буржуазным классом.

Так родился деизм доктринерской школы.

Другие лучше, чем смог бы я, изложили историю возникновения и развития этой школы, имевшей столь решительное и – я вполне могу сказать – гибельное влияние на политическое, интеллектуальное и моральное воспитание буржуазной молодежи во Франции. Основателями этой школы считают Бенжамена Констана и мадам де Сталь, но истинным основателем ее был Ройе-Коллар; ее апостолами были гг. Гизо, Кузен, Вильмен и многие другие; ее громогласно признанная цель – примирение Революции с Реакцией, или, говоря языком школы, – принципа свободы с принципом власти, разумеется, в пользу последней.

Это примирение означало в политике обман народной свободы в пользу буржуазного господства, представленного монархическим и конституционным государством; в философии – сознательное подчинение свободного разума вечным принципам веры. Мы займемся здесь лишь этой последней частью.

Известно, что эта философия была главным образом выработана г. Кузеном, отцом французского эклектизма. Поверхностный говорун и педант; неповинный в какой бы то ни было оригинальной концепции, какой бы то ни было собственной мысли, но очень сильный в общих местах, которые он по ошибке считал здравым смыслом, этот знаменитый философ искусно приготовил для употребления учащейся молодежи Франции метафизическое блюдо на свой образец, потребление которого сделалось обязательным во всех школах Государства, подведомственных Университету, и обрекло много последующих поколений на несварение мозгов¹. Представьте себе философский винегрет, составленный из самых противоположных систем, смесь из творений отцов Церкви, схоластов, Декарта и Паскаля, Канта и шотландских психологов, все это нагромождено на божественные и глубокие идеи Платона и прикрито покровом гегельянской имманентности, все это, конечно, сопровождается полным и высокомерным невежеством в естественных науках, доказывающим, как «дважды два = пять»².

1. Существует личный Бог, душа бессмертна, она имеет произвольное решение, свободную волю. Из этого тройного положения естественно вытекает, –

2. *Индивидуальная мораль, абсолютная ответственность* каждого перед моральным законом, написанным Богом в совести каждого; *индивидуальная свобода*, предшествующая всякому обществу, но достигающая своего развития лишь в обществе.

3. Свобода индивида осуществляется прежде всего присвоением или взятием во владение земли. Право собственности есть необходимое последствие этой свободы.

4. Семья, основанная на наследственности этого права, с одной стороны, и, с другой стороны, на авторитете супруга и отца, есть учреждение в одно и то же время и естественное, и божественное, божественное в том смысле, что с начала истории оно санкционировалось религией и совестью, полученной людьми от Бога, как ни несовершенна была эта совесть вначале.

¹ Здесь заканчивается брошюра «Бог и Государство». Издатели после последней фразы говорят: «Здесь рукопись прерывается». Между тем рукопись, которую они произвольно оборвали посредине страницы, совсем не прерывается и продолжается еще на 62 листках. – Дж. Гил.

² Начиная отсюда до конца весь текст, состоящий из тринадцати нумерованных параграфов, излагает не мнение Бакунина, но доктрину Виктора Кузена и эклектической школы. Бакунин вставляет в это изложение несколько примечаний и несколько критических замечаний, помещенных в скобках и напечатанных курсивом. – Д. Г.